

Канун и начало Второй мировой войны в оценках геополитики

М. А. Мунтян*

Геополитическая инерция кануна Второй мировой войны

Крупные перемены в глобальном геополитическом раскладе сил, когда рождаются эпохи в геополитическом мышлении и происходит его бурное самообновление, всегда были связаны, как показывает история геополитики, с так называемыми «геополитическими катастрофами». Они сметали многие из существовавших правил международной жизни, в связи с чем исследователи в возникающем хаосе предпринимали осознанные попытки предугадать или предопределить контуры нового, рождавшегося на их глазах порядка. Само возникновение и становление классической геополитики обуславливалось тенденциями и процессами в мировом развитии, предшествовавшими и приведшими к Первой мировой войне, равно как и последовавшими за нею событиями. Версальский мир, продиктованный морскими государствами (Великобританией, Францией и США), в собственных интересах и за счет таких континентальных стран, как Германия, Россия и Китай, нес в себе зародыши нового, недалекого во времени, геополитического столкновения мирового масштаба. История демонстрировала, что и на этот раз победа моря над сушей была временной и неустойчивой.

Вторая в истории человечества мировая война вновь изменила соотношение сил в мире, заставив приверженцев геополитики пересмотреть ряд фундаментальных своих постулатов, создать новые геополитические модели, лишённые, как казалось их творцам, недостатков прежних теоретических доктрин. В годы этой войны и после нее все геополитические школы мира приложили существенные усилия, чтобы размежеваться с германской геополитикой,

скомпрометировавшей себя сотрудничеством с гитлеровским режимом. Речь шла, прежде всего, о тех ее положениях, которые были использованы Гитлером и его окружением для обоснования идей мирового господства германской арийской расы. В ходе состоявшейся ревизии теоретических основ классической геополитики учитывался такой очевидный факт, что чисто геополитические цели составляли суть помыслов и предопределяли деятельность ведущих мировых держав и в канун Второй мировой войны, и в процессе ее разворачивания, и после полной победы стран антигитлеровской коалиции. Это были:

- расширение национального, жизненного, государственного пространства;
- упрочение позиций и максимизация сфер влияния;
- перекройка международного баланса сил в собственную пользу.

Разница была лишь в том, что после безоговорочной капитуляции фашистской Германии и милитаристской Японии борьба разгорелась между победителями, вызвав к жизни феномен, названный «холодной войной». Причем позиции и претензии в сфере территориально-пространственных проблем главных участников этого противоборства удивительным образом перекликались с их военными и политическими расчетами накануне Второй мировой войны.

Германская геополитика конца 30-х годов XX века

Планы обретения власти над миром гитлеровской Германии общеизвестны, они были чудовищными не только сами по себе, но и тем, что возбуждали вкус к территориальной экспансии у многих других

* **Михаил Алексеевич Мунтян** — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета»

государств, включив их в вооруженное геополитическое соперничество и в годы войны, и после нее.

«31 марта 1941 г. Гитлер пытался объяснить свои планы собранию из 250 высших германских офицеров трех родов войск. Он говорил, что война против Франции — „конвенциональная“ война, как и вся война против Запада. Ее характер — военный, когда действуют законы военного времени. Но на Востоке все будет по-другому. Против России Германия будет вести тотальную войну. Целью кампании должны быть истребление, экспансия и заселение на колониальной основе... Военная цель „плана Барбаросса“ казалась в этой связи несущественной. Действительной целью было истребление большевизма и его еврейской зоны влияния, порабощение славянских масс в четырех „рейхскомиссариатах“ и создание автаркической экономической системы, способной выдержать любую блокаду, которую могли бы навязать англо-саксонские силы. Конечной целью Гитлера было создание 250-миллионного германского народа. Он говорил, что предполагает поселить 100 миллионов немцев на огромных равнинах западнее Урала. В 1941 г. он предполагал, что в течение 10 лет сумеет переселить на восток первые 20 миллионов.

Некоторые вопросы такого переселения народов были педантично определены до мельчайших подробностей:

- будет разрешено многоженство и свободный выбор жен для военнослужащих с орденами;
- Крым после того, как очистится от славян и евреев, станет огромным германским курортом под своим старым греческим именем Таврия, заселенным с помощью массового перемещения немецких крестьян из Южного Тироля;
- на обширных просторах Украины и южной части Европейской России была запланирована новая фольк-цивилизация.

Воображение Гитлера разыгрывалось и в дни опьяняющих успехов 1941 г. охватило всю Европу. Бельгия, Нидерланды, Люксембург, вся Франция к северу от Сомы должны были быть включены в одну Великую Германию, а имена городов стать другими: Нанси — Нанцигом, Безансон — Бизанцем. Трондхайм превратится в большой германский город и морскую базу с 250-тысячным населением. Альпы станут границей между „Германской империей Севера“ с новой „Germania“ в качестве столицы, и „Римской империей Юга“, тоже германской нации. Папа будет повешен со всеми своими регалиями на площади св. Петра в Риме. Страсбургский кафедральный собор будет превращен в гигантский памятник Неизвестному солдату. Гитлер собирался запретить курение, ввести обязательное вегетарианство, „воскресить“ кимврийское вязальное искусство, назначить „специального комиссара по уходу за собаками“ и „помощника-секретаря по защите от комаров и насекомых“... Сняв ответственность с членов специальных „эйнзацгруппен“ за их действия, фюрер указал им в качестве объектов

„немедленного уничтожения“ коммунистических руководителей вместе с евреями, цыганами и „неполющенными азиатами“. Практически эйнзацгруппен собирали всех образованных мужчин и общественных лидеров на оккупированных немцами территориях и расстреливали их всех подряд»¹.

Позднее, в сентябре 1941 года, когда советско-германский фронт был уже на подступах к Ленинграду, Гитлер недвусмысленно заявил: «Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на Восток, если нужно — за Урал... Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должно исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины — закончен... Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья»².

Гитлеровская экспансия в Европе фактически поощрялась политикой умиротворения, которую Франция проводила нехотя, Великобритания же осуществляла довольно рьяно. Министр иностранных дел в кабинете Леона Блюма Ивон Дельбос заявлял в 1936 г., что «надо уступать Германии, подкармливая в мирное время, чтобы избежать войны». Премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен подобное умиротворение сформулировал следующим образом: «Представляется желательным попытаться достигнуть какого-либо соглашения с Германией по Центральной Европе, каковы бы ни были цели Германии, даже если она захочет включить в свой состав кого-то из соседей. Можно будет на деле надеяться на отсрочку осуществления германских планов и даже на сдерживание рейха на такое время, в течение которого планы эти станут в долгосрочной перспективе непрактичными».

Геополитика уступок агрессору

29 сентября 1938 года Даладье (Франция) и Чемберлен (Великобритания) в Мюнхене согласились на расчленение Чехословакии, отторжение у нее Судетской области. Менее чем через 6 месяцев, 15 марта 1939 года, последовал захват самой Чехии. В начале сентября 1938 года Н. Чемберлен решил осуществить проект, о котором сообщил лишь немногим доверенным лицам своего кабинета и для секретности называл его «планом Зет». В соответствии с этим планом он 12 сентября неожиданно обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече. В тот же день он изложил свой план в письме к ближайшему сподвижнику Ренсимуэну следующим образом: «Я сумею убедить его (Гитлера. — М. М.), что у него есть неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса... Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть

наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России. Это и есть „план Зет“»³.

Мюнхенское соглашение между Великобританией, Германией и Францией фактически стало пактом о разделе Европы, согласно которому Германия получала полное право распоряжаться в Восточной Европе. Лондон и Париж активно пытались канализировать германскую военную активность на восток, против Советского Союза, продемонстрировав при этом всю низость и опасность умиротворения фашистского агрессора. Но Гитлер рассудил иначе: через год он неожиданно для стран Запада заключил «пакт» с Советским Союзом и напал 1 сентября 1939 года на Польшу, заставив Францию и Великобританию 3 сентября объявить Германии войну. Это стало началом Второй мировой войны, но до 22 июня 1941 года ее во Франции называли «странной», в Германии — «сидячей», в США — «мнимой», или «призрачной» войной. В то время, когда гитлеровские войска в сентябре 1939 года громили Польшу, французская армия вела себя пассивно, откровенно отсиживаясь за укреплениями «линии Мажино»⁴.

Польше пришлось в одиночестве расплачиваться за патологически русофобскую политику своего руководства в предвоенные годы, сделавшей страну не жертвой, а активной пособницей всякого рода антисоветских планов, в том числе и германских. Советский Союз же в конце августа 1939 г. действовал в русле тех «правил игры», которые в то время практиковали другие великие державы. Каждая из них руководствовалась собственными целями, не считаясь с зыбкими нормами международного права того времени. Как отмечал академик А. В. Торкунов, «это был один из самых мрачных и постыдных периодов истории XX века — трагедия без героев, в которой даже жертвы агрессии чаще всего оказывались ее пособниками»⁵.

«Странная война»

Начав боевые действия в сентябре 1939 года, к июлю 1940 г. Германия фактически объединила под своей властью всю континентальную Европу, и только Югославия и Греция были покорены несколько позже. К июню 1941 года из существовавших тогда двух десятков европейских государств (если не считать совсем крошечных) почти половина добровольно подчинилась Гитлеру или были им покорены (Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия). Они приняли участие своими вооруженными силами в войне гитлеровской Германии против СССР (правда, Испания и Дания сделали это без официального объявления войны Советскому Союзу)⁶.

В течение первого периода Второй мировой войны (1 сентября 1939 — 21 июня 1941 г.) Германии удалось без больших людских и материальных потерь создать континентальную «германскую Ев-

ропу». Использование промышленных, сырьевых и военных ресурсов оккупированных и союзных стран превратило Третий рейх в мощнейшую военную державу, занявшую господствующее положение в Западной, Центральной, Центрально-Восточной и Юго-Восточной континентальной Европе. Обретенные стратегические позиции гитлеровской Германии оказались наиболее выгодными для нападения на СССР. Авторы труда «Мировые войны XX века» пришли к выводу, что «по существу, весь первый период войны явился для Германии подготовкой условий к дальнейшему расширению экспансии на восток, к ликвидации Советского Союза, к порабощению народов и государств всей Европы»⁷.

Вторгаясь в пределы той или иной европейской страны, германские войска обычно встречали способное изумить своей нерешительностью и слабостью их сопротивление. Особенно удивительно обстояло дело с Францией: немецкие войска, начав захват этой страны 5 июня 1940 года, уже 14 июня овладели Парижем. По Франции прокатился германский блицкриг, в результате которого фашистские войска продефилировали парадным маршем по Елисейским полям в Париже, повергнув в уныние всю Европу. Английский историк Алан Тейлор писал в изданном в 1975 году труде «Вторая мировая война» о ситуации во Франции после заключения ею «перемирия» с Германией 22 июня 1940 года: «Для подавляющего большинства французского народа война закончилась... Правительство маршала Анри Петэна осуществляло политику лояльного сотрудничества с немцами, позволяя себе лишь слабые, беспомощные протесты по поводу чрезмерных налогов... Единственное омрачение согласие: Шарль де Голль бежал в последний момент из Бордо в Лондон... Он обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу. Лишь несколько сот французов откликнулись на его призыв»⁸. Разгромленная Франция, таким образом, проголосовала за спокойствие в виде вишистского унижения.

Британия чудесным образом сумела эвакуировать на острова свой практически окруженный немцами в мае — начале июня 1940 года в районе французского порта Дюнкерк⁹ 300-тысячный экспедиционный корпус. Она отказалась от услуг в качестве премьер-министра «мюнхенского соглашателя» Н. Чемберлена, избрав своим лидером У. Черчилля и уделом — сопротивление фашизму. Этот выдающийся политик, хотя и был романтической и воинственной личностью, тем не менее, слишком хорошо знал историю, чтобы тешить себя иллюзиями, что по окончании войны Великобритания останется первой державой мира или хотя бы одной из первых. Он точно знал, что Британия, даже вместе с Содружеством британских наций, не могла победить Германию. Черчилль был уверен, что рано или поздно в войну в Европе вмешаются США, и делал все, чтобы приблизить этот момент.

Британский лидер рассчитывал еще и на то, что перспектива установления особых отношений с Америкой позволит его стране сохранить остатки ее влияния в мире в будущем. 8 июля 1941 г. он пишет мрачное письмо министру авиационной промышленности лорду Бивербруку: «В поисках способа добиться победы в войне вижу, что есть только один надежный путь. У нас нет континентальной армии, которая могла бы разбить германскую мощь. Блокада прорвана, и Гитлер может снабжаться из Азии и, вероятно, из Африки. Если мы отобьем его отсюда или он не попытается вторгнуться, то он направится к востоку и нам нечем его остановить. Но есть один способ, который остановит его и погубит, и это абсолютно опустошительное, уничтожительное нападение с множеством тяжелых бомбовозов из нашей страны на вотчину нацистов».

Применение массовых бомбардировок было мерой отчаяния Британии. Министерство финансов предупреждало кабинет 5 июля 1939 г., что без решительной американской поддержки «перспективы продолжительной войны становятся исключительно мрачными». Когда при переходе к военному производству снизился экспорт, золотые и долларové запасы растаяли... К 1940 г. Британия истратила свою конвертируемую валюту: у нее остался запас только из 12 миллионов долларов, самый низкий в ее истории. Страна была вынуждена прекратить покупки за доллары¹⁰. Американские поставки продовольствия и вооружений в рамках программы ленд-лиза несколько скрашивал ситуацию, но не решал ее в сколько-нибудь длительной перспективе. В этой связи Черчилль рассчитывал на то, что приближавшееся столкновение Германии с СССР в целом улучшит военно-экономическое и политическое положение Великобритании.

Вступление во Вторую мировую войну Советского Союза и США обусловили тот очевидный факт, что и для Британии вплоть до операции «Оверлорд» в июне 1944 года война на самом деле оставалась довольно «странной». В. В. Кожин подтверждает это следующим образом: «На всем протяжении Второй мировой войны Великобритания противостояла Германии (и возглавляемой ею континентальной Европе) гораздо слабее, чем в Первую мировую войну. Об этом ясно говорит количество погибших британских военнослужащих в 1914–1918 гг. — 624 тысячи, а в 1939–1945 — 264 тысячи, то есть в 2,5 раза меньше. И это несмотря на гораздо более смертоносное оружие Второй мировой войны, в силу чего на ней вообще-то погибало в 2,5–3 раза больше военнослужащих, чем на первой». Лиддел Гарт, ознакомившись с военной документацией гитлеровской Германии после ее поражения, с удивлением констатировал, что «как это ни странно, но ни Гитлер, ни немецкое верховное командование не разработало планов борьбы против Англии». Очевидно, таким образом, что Гитлер рассчитывал добиться согласия британского

правительства на компромиссный и благоприятный для Англии мир на собственных условиях. Именно поэтому немецкая армия совершенно не была готова к вторжению в Англию, а в штабе сухопутных войск не только не планировали эту операцию, но даже не рассматривали возможность подобного развития событий¹¹.

Геополитический «торг» Сталина

Великобритания и Франция вступали во вторую мировую войну, чтобы отстоять свои колониальные владения от притязаний новых претендентов на добычу и лелеяли надежду восстановить в той или иной форме свои позиции в мире в соответствии с версальскими установлениями. Советский Союз, наоборот, делал все возможное, чтобы не допустить возвращения к версальскому порядку вещей. Принимая в июле 1940 г. вновь назначенного посла Британии в Москве сэра Стаффорда Криппса, Сталин отреагировал на его замечание, что поражение Франции ставит вопрос о необходимости восстановить баланс сил в Европе, ледяным тоном подчеркнул: «Так называемое равновесие в Европе до сих пор угнетало не только Германию, но и Советский Союз. Поэтому Советский Союз примет все меры, чтобы предотвратить восстановление прежнего европейского равновесия сил».

Будущая жертва гитлеровского вторжения на его территорию, СССР накануне второй мировой войны был занят сложным дипломатическим маневрированием. Все действия Москвы отражали стремление И. В. Сталина предотвратить вовлечение страны в войну на стороне той или другой группировки капиталистических государств, не допустить их сговора о направлении гитлеровской агрессии, прежде всего и исключительно, против Советского Союза. Но одновременно они были связаны и с решением ряда геополитических проблем на западном направлении советской внешней политики, укреплением геостратегических позиций страны. Комментируя подписание советско-германского договора о ненападении 1939 г. и секретного протокола к нему о разделе Восточной Европы, Г. Киссинджер отмечал, что Сталин, «похоже, не видел нужды маскировать свои геостратегические маневры каким-либо оправданием, кроме потребностей безопасности СССР». Этот автор подчеркивал, что «советский руководитель сделал окончательный выбор лишь в последнюю секунду, исходя из соображения, что Гитлер был готов бесплатно предложить ему то, что при наличии любого союза с Великобританией и Францией Сталин мог бы получить только после кровопролитной войны с Германией»¹².

«Всю весну и лето 1939 г. Сталин осторожно подавал сигналы готовности к рассмотрению германских предложений. Гитлер, однако, воздерживался от первого шага, чтобы Сталин не воспользовался этим для получения более выгодных условий от Великобритании и Франции. Сталин, в свою очередь,

испытывал подобные же опасения. Он также не решился сделать первый шаг, ибо, если этот шаг стал бы достоянием гласности, Великобритания могла бы снять с себя обязательства применительно к Востоку и вынудить его остаться с Гитлером один на один. К тому же Сталин не торопился: в отличие от Гитлера, он не ставил себе сроков, а нервы у него были крепкие. Итак, советский лидер выжидал, вызывая беспокойство у фюрера. 26 июля Гитлер призывно подмигнул. Если он собирался напасть на Польшу до начала осенних дождей, то не позднее 1 сентября ему было необходимо знать, что Сталин намеревается делать. Карлу Шнурре, главе германской делегации, ведшей переговоры о заключении торгового соглашения с СССР, были даны инструкции начать затрагивать в беседах политические вопросы... Лишь в середине августа Молотов принял посла Германии Шуленбурга с тем, чтобы уточнить, что же предлагает конкретно Шнурре... Теперь уже Гитлер нервничал как в лихорадке. Ибо решение о нападении нужно было принимать в считанные дни. 20 августа он написал непосредственно Сталину: «Я убежден, что содержание дополнительного протокола, желательного для Советского Союза, может быть уточнено в кратчайше возможный срок, если ответственный германский государственный деятель будет иметь возможность лично прибыть в Москву для переговоров».

Риббентроп был приглашен приехать в Москву через 48 часов, 25 августа. Советский руководитель проявил небольшой интерес к пакту о ненападении и еще меньший к заверениям в дружбе, которые Риббентроп то и дело вставлял в свои реплики. Предметом озабоченности Сталина был секретный протокол о разделе Восточной Европы. Риббентроп предложил, чтобы Польша была разделена по границе 1914 г. с одним лишь принципиальным различием — Варшава должна была войти в германскую сферу влияния. Будет ли придана некая видимость польской независимости или Германия и Советский Союз просто аннексируют завоеванные ими территории, не уточнялось. Что касается балтийских государств, Риббентроп предложил, чтобы Финляндия и Эстония вошли в русскую сферу влияния (что давало Сталину долгожданную буферную зону вокруг Ленинграда), Литва отошла бы к Германии, а Латвия была поделена. Когда Сталин потребовал всю Латвию, Риббентроп телеграфировал Гитлеру, и тот уступил. Точно так же, как он пошел на встречу сталинскому требованию относительно Бессарабии, которую Советский Союз хотел отобрать у Румынии...

17 сентября 1939 г., менее чем через 3 недели после начала Второй мировой войны, Красная Армия оккупировала ту часть Польши, которая предназначалась для вхождения в советскую сферу влияния... К ноябрю наступила очередь Финляндии... Через несколько месяцев героического сопротивления Финляндия усту-

пила сокрушительному превосходству Советского Союза... В июне 1940 г., когда Гитлер еще был занят Францией, Сталин предъявил ультиматум Румынии с требованием уступить Бессарабию, а также пожелал забрать Северную Буковину. В тот же месяц он включил балтийские государства в состав Советского Союза, вынудив их пойти на организацию бутафорских выборов, в которых приняли участие менее 20% населения. А когда этот процесс завершился, Сталин вернул всю территорию, которую Россия потеряла в конце Первой мировой войны; тем самым союзники заплатили последний взнос в счет штрафа за исключение как Германии, так и Советского Союза из участия в мирной конференции 1919 года»¹³.

Три момента в этой связи требуют определенно-го разъяснения. Во-первых, в мировой, а в последние почти два десятилетия — и в отечественной, историографиях заключение Сталиным советско-германского пакта 1939 года подвергается критике и осуждению. Действительно, указанный документ в силу различных причин, и в первую очередь морально-этических, не может вызывать энтузиазма и каких-либо позитивных эмоций у объективно оценивающих его людей. Но если вписать этот эпизод международной предвоенной жизни в общую картину стремительно скатывавшегося к новой мировой войне человечества, то объективный наблюдатель просто обязан прийти к выводу, что в августе 1939 года Сталин поступил точно так же, как Чемберлен в сентябре 1938 года. Ибо и тот, и другой старались отвести от своих стран угрозу гитлеровского нападения; и тот, и другой боялись сговора Гитлера с любым из них за счет другого. При этом каждый из них выступал в этих случаях с позиции соответствующим образом понимаемых ими национально-государственных интересов своих стран.

Разница заключалась только в том, что Сталин поступал таким образом в ситуации, которая сложилась после провала советско-англо-французских переговоров о военном союзе трех стран, после того как Чемберлен годом раньше реализовал свой «план Зет». «Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Премьер-Министр Великобритании, — объявлялось в официальном германо-английском коммюнике по этому поводу, опубликованном 30 сентября 1938 года, — рассматриваем подписанное вчера соглашение как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга»¹⁴.

Сталин не до конца понимал характер геополитических аспектов надвигающейся войны, но он чувствовал и знал, что в ней будет решаться вопрос не только о судьбе социализма, но и о России как государстве. Можно, как это сделал в 1991 году Д. Волкогонов, обвинять Сталина в том, что пакт с Германией стал «отступлением от ленинских норм внешней политики» и что «советская страна опустилась до уровня империалистических держав». Но тогда выходит, что СССР должен был абстрагироваться от мировой

политики, диктуемой именно этими державами, в то время как политика во все времена была инструментом возможного, а не желаемого. Н. Макиавелли и его последователи даже считали преступлением подмену в политике сущего должным.

Кроме того, те авторы, которые обвиняют Сталина в беспрецедентном цинизме и низости, не могут не знать, что нормы поведения государственных деятелей в международных делах в тот период, как и сейчас, выводились и выводятся не из личностных христианских или иных ценностей, а из так или иначе понимаемых национальными политическими элитами государственных интересов. Баланс же этих интересов устанавливался в соответствии с силой и могуществом каждого из субъектов международных отношений. В данном случае более эвристичным и соответствующим эпохе представляется геополитический подход, который позволил В. В. Кожиневу сформулировать вывод о том, что «Сталин поступил именно так, как и любой правитель любой страны в аналогичных обстоятельствах, чему есть бесчисленные примеры»¹⁵.

Во-вторых, внешняя политика СССР в начальном периоде Второй мировой войны объявляется аморальной из-за суждения, высказанного Сталиным по поводу объявления 3 сентября 1939 года войны Германии Францией и Великобританией. «Мы не прочь, — сказал советский вождь в самом тесном кругу (К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов и Георгий Димитров, в то время генсек Исполкома Коминтерна), — чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»¹⁶.

Но известно также не менее аморальное заявление сенатора США Гарри Трумэна, произнесенное не в узком кругу сотрудников, а сделанное корреспонденту газеты «Нью-Йорк Таймс» 23 июня 1941 года, не помешавшее ему стать в недалеком будущем вице-президентом, а затем и президентом этой страны. «Если мы увидим, что выигрывает Германия, — заявил этот политик, — то нам следует помогать России. А если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». Но из-за этого ведь никто не обвиняет внешнюю политику США как аморальную. Так что при оценке сути политики вряд ли следует исходить из отдельных слов или высказываний тех или иных политических деятелей, а нужно оценивать их реальные действия, в данном случае — дипломатическое маневрирование двух стран, в недалеком будущем обреченных стать ведущими державами антигитлеровской коалиции. И Сталин должен быть осужден не за ту радость, которую он испытал от известия, что соперники Советского Союза «подрались» или за его намерение так или иначе их

«подталкивать». Советский руководитель, исходя из концепции внутренних противоречий капитализма, полагал, что междоусобная борьба в Европе будет столь же длительной и кровавой, какой она была в 1914–1918 годы. Поэтому он неправильно определял степень фашистской угрозы СССР и допустил возможность «неожиданного нападения» Германии на свою страну со всеми проистекавшими из этого тяжелейшими поражениями первого года Великой Отечественной войны.

В-третьих, как и Киссинджер, многие историки Второй мировой войны писали и пишут об оккупации СССР Восточной Польши, его участии в четвертом или пятом разделах этой страны, поглощении стран Балтии — Литвы, Латвии и Эстонии, присоединении Бессарабии и Северной Буковины, агрессии против Финляндии и отторжении Карельского перешейка. При этом они абсолютно не соотносятся с геополитической историей каждого из этих вопросов, путая их истинный смысл и некорректно применяя оценочную терминологию. Так, СССР не принимал никакого участия в разделе Польши 1939 года, ибо он возвратил себе только исконные украинские и белорусские земли, отторгнутые Польшей в 1920–1921 годах. Английский историк Алан Тейлор писал по этому поводу, что Великобритания предложила в 1919 году в качестве восточной границы воссоздаваемого Польского государства «линию Керзона». В соответствии с этой линией Министерство иностранных дел Англии и «считало по праву принадлежащей русским ту территорию, которую теперь (в 1939 г. — М. М.) заняли советские войска»¹⁷. По мнению этого автора, вся указанная проблема заключалась в том, что в «дальнейшем не было удобного случая признать законность наступления, предпринятого Советской Россией (в 1939 году)», в связи с чем этот вопрос позднее «постоянно осложнял отношения между Советской Россией и западными державами»¹⁸.

Известный американский историк Второй мировой войны Уильям Ширер писал в 1959 году: в 1939 году Сталин отказался от предлагавшихся ему Гитлером собственно польских территорий. «Хорошо усвоив уроки многовековой истории России, — отмечал этот автор, — он понимал, что польский народ никогда не примирится с потерей своей независимости»¹⁹. Молодой российский историк А. Д. Марков в своей статье середины 90-х годов прошлого столетия подобную позицию аргументировал иными фактами. Он утверждал, что основное население Западной Украины и Западной Белоруссии не воспринимало введение войск СССР на эти территории в 1939 году как «агрессию», «захват» или «оккупацию». Напротив, пишет он, «в восточно-польских землях украинцы, белорусы и евреи (они составляли от 67 до 90 процентов населения этих территорий. — М. М.) нередко организовывали повстанческие отряды..., нападая на отступавшие польские части... Непольское население превра-

щало польские знамена в красные, отрывая от них белые полосы, засыпало цветами колонны Красной Армии..., указывало места, где поляки прятали оружие, участвовало в обезвреживании небольших польских частей»²⁰.

И в случае со странами Балтии, несмотря на явное попрание СССР права литовского, латышского и эстонского народов на самостоятельное государственное существование, дело обстояло не столь просто, как оно объясняется многими современными авторами. Россия никогда не захватывала, не завоевывала, не оккупировала территории Латвии и Эстонии, так как эти земли, вместе с Карельским перешейком между Финским заливом и Ладожским озером, были куплены Петром Великим у Швеции. Данная геополитическая сделка была закреплена в Ништадском договоре со Швецией 1721 года. Россия заплатила за указанные территории огромную по тем временам сумму — 2 млн. талеров²¹. Литва же, в отличие от Латвии и Эстонии, имела в прошлом свою государственность, которая позднее была поглощена Польшей. В конце XVIII века, при разделах Польши, литовские земли вошли в состав Российской империи вместе с территориями, населенными украинцами и белорусами.

И это произошло по чисто геополитическим причинам. Известно, что при указанных разделах к Пруссии отошли исконно польские земли, находившиеся западнее украинских и белорусских территорий. Если бы Пруссия потребовала себе еще и литовские земли, то тогда образовался бы врезающийся в российскую территорию почти 300-километровый германский «клин». Чтобы избежать такого геополитического казуса, Россия потребовала территорию Литвы себе. Собственно, эта же геополитическая модель была воспроизведена при распаде Польши в 1939 году, но с одной поправкой: 10 октября 1939 года СССР передал отошедший ему от Польши литовский город Вильно-Вильнюс с прилегающими к нему территориями Литве.

В условиях начавшейся «большой войны» Латвия, Литва и Эстония как лимитрофные, пограничные государства между Россией и Германией должны были оказаться в сфере влияния одной из них. В Прибалтике было известно о гитлеровских намерениях в удобное время включить территорию всех трех государств в состав рейха. Требования СССР к Латвии, Литве и Эстонии заключить соглашения о взаимной помощи (конец сентября — начало октября 1939 г.) были восприняты правительствами этих стран как меньшее из возможных зол. Тем более что соглашения отнюдь не предполагали «территориально-политического переустройства» этих государств, как это было зафиксировано в секретном протоколе к «пакту Молотова–Риббентропа», а всего лишь предусматривали создание на их территории советских военных баз и размещения на них военных контингентов — по 25 тыс. человек в Латвии и Эсто-

нии и 20 тысяч — в Литве. Это должно было защитить государства Балтии от германской экспансии и обеспечивать большую безопасность СССР с прибалтийского направления.

«Эти соглашения еще не затрагивали общественного и государственного устройства Литвы, Латвии и Эстонии. Они были направлены против превращения их территорий в плацдарм для нападения на СССР. Советские гарнизоны, которые были размещены в трех прибалтийских республиках на основе заключенных с ними договоров о взаимной помощи, предписывалось не вмешиваться во внутренние дела этих стран. Народный комиссар иностранных дел писал полпреду СССР в Эстонии К. Н. Никитину 23 октября 1939 г.: „Вы не поняли нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи. Из ваших последних шифровок... видно, что вас ветром понесло по линии настроений «советизации» Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и анти-советским провокаторам. Вы также неправильным поведением сбиваете с толку эстонцев... Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли пакт о взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии“. Аналогичные указания давались и дипломатам, представлявшим СССР в Латвии и Литве»²².

Государственные деятели прибалтийских государств отмечали в своих выступлениях, что советские войска не вмешиваются во внутреннюю политику и социальные отношения их стран. К примеру, министр иностранных дел Литвы Ю. Урбисис в одном из выступлений в январе 1940 г. заявлял, что «войска Советского Союза никак не вмешиваются в наши дела». С пониманием и спокойно вступление советских соединений в прибалтийские государства были встречены на Западе. Оно было расценено как сужение экономической и стратегической базы германского рейха. У Черчилля даже высказался в том смысле, что таким образом стал создаваться «восточный фронт» сдерживания Германии. Другое дело, что к лету 1940 г. под воздействием Советско-финской войны и успешной кампании германских войск в Западной Европе в правящих кругах прибалтийских государств усилились прогерманские настроения, в связи с чем правительство СССР направило руководству Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня) ноты, где указывалось, что считает совершенно необходимым и неотложным сформировать в них такие правительства, которые могли бы обеспечивать «честное проведение в жизнь» соглашений о взаимной помощи с Советским Союзом и потребовало увеличить численность советских войск на территории Прибалтики.

Вступление дополнительных контингентов советских войск в Прибалтику, как докладывал в Лондон английский посланник в Латвии К. Орд, «значительная часть населения встретила приветственными возгласами и цветами». В это же время глава британского МИДа Э. Галифакс заявлял, что «концентрация советских войск в прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера». Однако когда избранные 14–15 июля 1940 г. парламенты трех прибалтийских государств провозгласили советскую власть и приняли решения о вступлении в СССР, реакция многих влиятельных политических кругов на Западе стала однозначно отрицательной. Эти события в Прибалтике были расценены ими как «аннексия», проявление «имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства», попытка «множить число советских республик» и т.п.

Но и здесь все было не так однозначно. С одной стороны, комментируя создавшуюся ситуацию, А. Тейлор отмечал, что «права России на балтийские государства и восточную часть Польши (украинско-белорусские земли. — М. М.) были гораздо более обоснованными по сравнению с правами Соединенных Штатов на Нью-Мехико (одну из захваченных американцами у Мексики территорий. — М. М.). Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которые они не применяли к себе»²³. С другой стороны, в западной прессе появлялись свидетельства того, что вступление в СССР было легитимизировано значительной частью населения трех прибалтийских республик, что делает неприменимым для этих событий по крайней мере термина «аннексия». И сегодня, когда правящие элиты ставших независимыми Латвии, Литвы и Эстонии обвиняют СССР-Россию в прошлой оккупации, закладывая этот тезис в основание антироссийской пропаганды и искажения истории, им следовало бы признать:

- существенную роль в советизации всех трех прибалтийских государств сыграла воля большинства их же народов;
- именно в составе СССР литовцы, латыши и эстонцы внесли свой вклад в победу Антигитлеровской коалиции над германским фашизмом в годы Второй мировой войны.

Летом 1940 года встал и вопрос об укреплении юго-западных границ СССР. 26 июня Советское правительство направило румынскому правительству ноту, в которой говорилось: «Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом передачи той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава»²⁴.

28 июня 1940 г. Красная Армия вступила на территорию Бессарабии и Северной Буковины. 2 августа из большей части Бессарабии и Молдавской автономной республики, с 1924 года входившей ранее в состав Украины, была образована Молдавская ССР, а Северная Буковина включена в состав Украинской ССР. В целом следует признать, что ввод советских войск в Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину свидетельствовал о принятии руководством СССР мер по созданию стратегического предполья на западе, на котором должна была развернуться предстоящая военная схватка с германским фашизмом и его союзниками.

Сугубо геополитической следует признать прискорбную войну Советского Союза с Финляндией, длившуюся с 30 ноября 1939 года до 13 марта 1940 г. В октябре 1939 года СССР предложил Финляндии совершить «территориальный обмен», главным элементом которого являлась передача (в сущности, возврат) в состав СССР Карельского перешейка. В обмен Москва предлагала превышающую в два раза этот перешеек территорию, расположенную севернее, в Карелии. Такого размена территориями требовали интересы обеспечения безопасности Ленинграда: с 1917 года граница независимой Финляндии проходила почти что по предместьям второго по величине и значимости советского города. Сталин на встрече с главой приглашенной в Москву финляндской делегации Ю. К. Паасикиви откровенно заявил: «Мы не можем ничего поделать с географией, так же, как и вы. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него границу»²⁵. Но «версальские державы» внушили Финляндии, что она должна оказать «противодействие СССР». Финский министр иностранных дел Э. Эркко заявил в этой связи: «Мы ни на какие уступки СССР не пойдём и будем драться во что бы ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция».

На категорический отказ Финляндии согласиться с предложенным обменом территорий СССР ответил войной. СССР она обошлась в 87 506 погибших, 39 369 пропавших без вести, более 5 тысяч попавших в плен: Финляндия потеряла ходе военных действий 48 243 человек убитыми, более 43 тысяч ранеными и около 1 тысячи пленными²⁶. В конце «той войны незначительной» (по словам А. Т. Твардовского) требования Москвы были удовлетворены. Английский военный историк Лидделл Гарт писал о советских требованиях 1939 года к Финляндии: «Объективное изучение этих требований показывает, что они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить большую безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь серьезного ущерба безопасности Финляндии». И далее: даже после военного поражения Финляндии в марте 1940 года «новые советские требования были исключительно умеренными. Выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость»²⁷.

Карельский перешеек вошел в состав Русского государства в момент его рождения. Согласно «Повести временных лет», северное ядро Руси с центром в ее древнейшем городе Ладога создали совместно восточнославянские и угро-финские — чудь и весь — племена, притом как раз весь населяла Карельский перешеек. Позднее Карельский перешеек не раз пыталась отнять у Руси-России владевшая Финляндией Швеция. В 1617 году ей удалось его отторгнуть от ослабевшей за годы смутного времени России. Но уже в 1721 году Петр Великий возвратил Карельский перешеек, создавая безопасное пограничье вокруг новой столицы России, восстановив тем самым первоначальную границу Русского государства. Однако 90 лет спустя, в 1811 году, — два года после создания Великого княжества Финляндии, включенного в состав России, — эта территория была присоединена к нему в качестве щедрого дара Александра I. И после превращения Финляндии в суверенное государство после Октябрьской революции 1917 года в России получилось так, что граница между ними прошла не в 150-ти километрах от Петрограда, а в непосредственной видимости из его предместий. В принципе, это было весьма серьезным геополитическим дефектом в западной границе России, если исходить из ситуации приближавшейся большой войны»²⁸.

Показательны в этом смысле рассуждения Уинстона Черчилля о Советско-финской войне, изложенные в его мемуарах «Вторая мировая война». Он пишет о западных границах СССР 1939 года, которые вызывали глубочайшую тревогу у правителей страны, — границах с прибалтийскими странами и Финляндией, усматривая в этом давнюю историческую проблему. «Даже белогвардейское правительство Колчака, — напоминал Черчилль, — уведомило мирную конференцию в Париже (речь идет о конференции 1919 года, подводившей итог Первой мировой войны. — М. М.), что базы в прибалтийских государствах и Финляндии были необходимой защитой для русской столицы. Сталин высказал ту же мысль английской и французской миссиям летом 1939 года». В начале Второй мировой войны «Сталин, — продолжал Черчилль, — не терял время даром». 28 сентября 1939 года был заключен соответствующий договор с Эстонией, и «21 октября Красная Армия и военно-воздушные силы уже были на месте», — заключает Черчилль. — «Та же процедура была одновременно проделана и в Литве. Оставались открытыми подступы только через Финляндию»²⁹.

В. В. Кожин справедливо считает, что «определившуюся к 1941 году западную границу СССР-России от Ледовитого океана до Черного моря есть основания считать геополитической, соответствующей многовековому делению евразийского континента на два „субконтинента“: собственно Европу и то, что давно уже определяют термином Евразия. Это, в сущности, геополитическое обозначение России, являющей собой своеобразный субконтинент...

В 1939–1940 годах была восстановлена та геополитическая граница, которая существовала уже тысячу лет назад, в очередной раз утвердилась при Петре Великом на два века и была порушена в результате катаклизма Революции»³⁰.

Тем же авторам, которые упражняются в обвинениях России в бесчисленных агрессиях, предпринятых в Европе, можно напомнить мнение на этот счет одного из самых выдающихся историков XX столетия, Арнольда Тойнби, который писал в 1947 году: «На Западе бытует понятие, что Россия — агрессор... В XVIII веке при разделе Польши Россия поглотила львиную долю территории. В XIX веке она — угнетатель Польши и Финляндии... Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII веке — это лишь контрастступление... В XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина, — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христианству... Польские завоевания исконной русской территории... были возвращены России лишь в последней фазе войны 1939–1945 годов.

В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России, вплоть до самой Москвы, и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века, а на рубеже XIX и XX веков удары с Запада градом посыпались на Россию, один за другим. Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915–1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918 году вторглись в Россию с четырех сторон. И, наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо.

Верно, что и русские воевали на западных землях. Однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации»³¹.

Японская геополитика в годы Второй мировой войны

Япония включилась в мировую схватку, руководствуясь соображениями несколько другого плана. Задолго до начала войны в Европе она стала превращаться в нестабильное, полуголодное, все более отчаявшееся государство. Оно оттолкнуло от себя всех своих соседей, упразднило многие элементы

демократической и конституционной системы, не имело никакой осмысленной долгосрочной стратегии и убедило себя в необходимости использовать силу и расширить агрессию, чтобы найти выход из трудностей, которые оно само себе постоянно создавало. Не только гражданские партии, но и военные были разьединены: флот стоял за «южную» политику — экспансию в дальневосточные колонии, принадлежавшие Голландии, Англии и Франции, чтобы обеспечить Японию сырьем и нефтью, чего у нее не было; армейские генералы требовали экспансии в направлении азиатского материка, разбившись на фракции «северных», которые хотели укрепиться в Маньчжурии и напасть на Россию, и «южных», желавших завоевать китайские города и оккупировать огромные речные долины Китая.

Многие из них были блестящими тактиками, но никто — стратегом, способным задуматься о последствиях реализации планов, казавшихся столь привлекательными и многообещающими. Агрессивная политика Японии, стартовавшая еще в 1931 г., была в этом плане поучительной. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Токио Хью Байес писал 31 июля 1938 года: «Япония дошла до такой точки, когда длинная спичка и крысиная шкурка представляют собой важные экономические факторы для продолжения войны с Китаем. Нормирование и нехватка сейчас жестче, чем в Германии в 1918 г. Крысиные шкурки обрабатываются в качестве заменителей настоящей кожи. Хлопок-сырец, ткани, химикаты, кожа, металлы, нефть, шерсть и сталь исчезли с рынка. Нельзя купить зубную пасту, шоколад, жевательную резинку, мячи для гольфа, сковородку. Все сделанное из железа стало „дефицитнее золота“».

Страх перед будущим гнал правящий класс Японии по все расширявшейся «тропе войны». 27 сентября 1940 г. Япония подписала с Германией и Италией так называемый Тройственный пакт, обязывавший каждую из них вступать в войну с любым государством, если оно выступит в поддержку Великобритании. Этот сговор был явно направлен против США. Япония объявлялась ее союзниками той шпagoй, которая должна была угрожать тихоокеанским интересам американской державы в случае, если они решатся вступить в войну на европейском континенте. 13 апреля 1941 г. Токио заключил договор о ненападении с Москвой, обеспечив тем самым северный тыл для экспансии на юге. Для Советского Союза это была безусловная удача: спустя шесть месяцев Сталин сможет перебросить с Дальнего Востока хорошо обученные, полнокровные дивизии под Москву и выиграть битву, которая предreshила исход всей войны с гитлеровской Германией в пользу Советского Союза. Для Японии вступление в большую войну означало только одно: страна была обречена на то, чтобы испить сполна горькую чашу судьбы тех наций, которые меняют масло для людей на пушки для разбоя.

«После заключения договора о ненападении Сталин сделал беспрецедентный жест и проводил министра иностранных дел Японии Иосуге Мацуоку на вокзал. Это было признаком особой важности для Сталина договора с Японией, а также поводом в присутствии всего дипломатического корпуса призвать Германию к переговорам и одновременно придать себе еще больший вес как партнеру. „Европейская проблема может быть разрешена естественным путем, если Япония и СССР будут сотрудничать“, — заявил Сталин министру иностранных дел достаточно громко, чтобы все могли это слышать. Возможно, для того, чтобы намекнуть всем, что теперь, когда восточным границам обеспечена безопасность, его положение в Европе как партнера по переговорам улучшилось, ибо теперь Германии незачем воевать с Советским Союзом, чтобы обеспечить Японии тыл для войны с Соединенными Штатами. „Не только европейская проблема“, — ответил японский министр иностранных дел Мацуока. „Да, во всем мире все можно будет урегулировать!“ — согласился Сталин. И чтобы довести свои слова до сведения Берлина, Сталин затем подошел к германскому послу фон дер Шуленбургу, обнял его за плечи и объявил: „Мы должны оставаться друзьями, а вы должны сделать все для этого“³².

Г. Киссинджер, которому принадлежит вышеуказанное описание, связывал действия Сталина с его условиями присоединения к Тройственному пакту, которые были представлены в Берлин 25 ноября 1940 г. Этот автор писал, что, согласно этим условиям:

- Германия должна была вывести свои войска из Финляндии и предоставить Советскому Союзу свободу действий в этой стране;
- Болгарии предлагалось вступить в военный союз с СССР и позволить ему иметь военные базы на ее территории;
- Турция должна была согласиться на размещение советских военных баз на своей территории, включая Дарданеллы;
- Германия обязывалась оставаться в стороне, если бы Советскому Союзу пришлось добиваться осуществления своих стратегических целей на Балканах и в Дарданеллах при помощи силы;
- в развитие предложения, уже сделанного Гитлером, согласно которому территория к югу от Баку и Батуми будет считаться признанной сферой влияния советских интересов, Сталин расширил ее, включив Иран и территории до Персидского залива;
- Япония должна была отказаться от претензий на право разработки полезных ископаемых на острове Сахалин».

И далее этот известный американский историк и политический деятель заключает: «В течение последующего десятилетия, используя тактику царей, Сталин займется созданием этой сферы, где можно было — с помощью соглашений, где необходимо — при помощи силы. Он добивался целей, поставлен-

ных в меморандуме от 25 ноября, вначале вместе с Гитлером, затем на стороне демократических стран против Гитлера и, наконец, посредством конфронтации с демократическими странами. А затем, где-то ближе к концу жизни, Сталин, похоже, намеревался предпринять попытку договориться с демократическими странами в самом широком плане для сохранения того, что он перманентно считал советской сферой влияния»³³.

Когда спустя восемь недель после заключения советско-японского договора о нейтралитете Мацуока узнал о нападении Гитлера на СССР, он наивно признался своим коллегам по кабинету: «Я подписал пакт о нейтралитете потому, что думал, что Германия и Россия не будут воевать. Если бы я знал, я бы не подписал этот договор». Отсутствие координации военных планов Германии с Японией — одна из самых необъяснимых загадок во всей карьере Гитлера. Не проинформировав Мацуоку во время посещения им Берлина в начале апреля 1941 года об уже принятом решении напасть на СССР, Гитлер как бы подтолкнул японскую экспансию в южном направлении и тем самым фактически отказался от возможности открыть против Сталина еще один фронт. Именно Мацуока придумал для «южной стратегии» некую миссионерскую цель в виде создания «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания». В эту сферу планировалось включить Китай, все большие города которого к этому времени были оккупированы, а экономика и коммуникации взяты японцами под контроль.

Расчеты Японии были ориентированы и на привлечение к сотрудничеству французских колоний в Индокитае, британских — в Юго-Восточной Азии, голландских — в акватории Тихого океана, а также американских Филиппин. 5 ноября 1941 г. начальник штаба армии генерал Сугияма докладывал о серии наступательных операций, которые планировались на ближайшее время: «Нам нужно 50 дней, чтобы закончить операции на Филиппинах, 100 дней — в Малае и 50 дней — в Голландских Восточных Индиях. Все операции закончатся в течение 5 месяцев с начала войны, и мы сможем вести продолжительную войну, если установим наш контроль над такими важными военными базами, как Гонконг, Манила и Сингапур». При этом он лишь упомянул об Индии и Австралии как о конечных целях предпринимаемой экспансии.

Для реализации всего или частично этого плана необходимо было избавиться от присутствия в Тихом океане американского военно-морского флота, так что война с США, с японской точки зрения, была делом предрешенным. Несмотря на то, что во многих своих аспектах, особенно в части территориальных захватов, программа экспансии Японии в южном направлении была реализована, тем не менее, о конечной победе в войне не думали даже наиболее оптимистично настроенные военные предводители

этой страны. Самый способный из них, японский адмирал Ямамото считал, что его страна не может надеяться выиграть войну против Британии и Америки, какими впечатляющими бы ни были ее первоначальные успехи. Полковник Ивакуро, специалист по материально-техническому обеспечению армии, приводил в этой связи показатели соотношения между американским и японским производством³⁴: а) стали — 20:1; б) нефти — 100:1; в) угля — 10:1; г) самолетов — 5:1; д) корабельного тоннажа — 2:1; ж) количеством рабочих — 5:1.

Начав войну против США 7 декабря 1941 г. нападением на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, Япония пошла по безрассудному пути, завершившемуся для нее в августе 1945 года ядерным апокалипсисом Хиросимы и Нагасаки. Огромное экономическое превосходство Америки означало, что в долгосрочной перспективе Япония не может помешать США развить стратегию победы, поэтому некоторые современные историки квалифицируют решение Японии открыть тихоокеанский театр Второй мировой войны как разновидность обреченности национального хакари.

Обширными были пространственно-территориальные притязания еще одного верного союзника Гитлера — фашистской Италии. Благополучно завершившаяся для Муссолини агрессия в Абиссинии только разожгла аппетиты итальянского дуче. Его войска 7 апреля 1939 г. вторгаются в Албанию, 28 октября 1940 г. нападают на Грецию, где итальянцы терпят позорное поражение. 9 октября 1940 г. англичане предпринимает контрнаступление в Ливии и в феврале 1941 г. освобождают от итальянцев город Бенгази. С огромным нежеланием, но в соответствии с «Железным пактом» Гитлер все же пришел на помощь своему незадачливому союзнику, послав в Ливию африканский корпус во главе с генералом Роммелем.

Нападение Германии на СССР

28 февраля 1941 г. германские нацисты вступили в Болгарию. Спустя три недели они вынудили Югославию переориентироваться на Берлин, а когда прогерманское правительство в Белграде было свергнуто, Берлин предъявил ультиматум и Югославии, и Греции. После недели боев сдался Белград, еще через 6 дней капитулировали Афины. В мае германскими парашютистами были разгромлены английские войска, отступившие из Греции на Крит. К концу мая Каир и Суэцкий канал, нефтяные промыслы в Северном Ираке, Персия и Персидский залив, самый большой в мире нефтеперерабатывающий завод в Абадане, морские и сухопутные пути к Индии — все они неожиданно оказались в зоне непосредственного воздействия германских войск.

Этот значительный успех был достигнут Гитлером недорогой ценой и с использованием лишь небольшой части его сил. Адмирал Редер и морское

командование просили у фюрера разрешения начать большое наступление на Ближнем Востоке. Они считали, что четверти из 150 германских дивизий могло быть достаточно для того, чтобы пробиться через Суэцкий канал и быстро продвинуться к Индийскому океану, а там — подать руку японцам, которые через Юго-Восточную Азию выйдут к Бенгальскому заливу в Индии. По мнению Редера, такой ход нанес бы Британии «более смертоносный удар, чем захват Лондона». Но Гитлер без колебания отбросил перспективы повторения пути, пройденного Александром Македонским. Его в это время привлекали лавры победителя России, которой он готовился нанести сокрушительный удар, назначив дату германского вторжения — 22 июня 1941 года.

Непосредственная подготовка Германии к войне против СССР завершилась в июне 1941 г. К этому времени в ее вооруженных силах насчитывалось 7,3 млн. человек, 71,5 тысяч артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тысяч танков и 5,6 тысяч боевых самолетов³⁵. Первостепенное внимание германское руководство уделяло сухопутным войскам. Если в мае 1940 г. перед наступлением на Францию в составе вермахта было 156 дивизий, в том числе 10 танковых и 6 моторизованных, то к лету 1941 г. — уже 214 дивизий, в том числе 21 танковая и 14 мотострелковых. Для «войны на Востоке» было предназначено более 70% соединений — 156 дивизий, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также 3 бригады. Для авиационного обеспечения военных действий из 5 имевшихся у Германии воздушных флотов выделялись 3 флота полностью и один частично. Всего в подготовленных для нападения германских военных силах насчитывался 4,1 млн. человек, 40,5 тысяч артиллерийских орудий и минометов, около 4,2 тысяч танков и штурмовых самоходных орудий, более 3,6 тысяч боевых самолетов и 159 военных кораблей³⁶.

По решению Гитлера к антисоветской агрессии были привлечены войска Финляндии, Румынии и Венгрии. С их учетом для вторжения в СССР было выделено около 5 млн. человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тысяч орудий и минометов, около 4,4 тысяч танков и штурмовых орудий, более 4,3 тысяч боевых самолетов и 246 военных кораблей. Правители Италии, Словакии и Хорватии, как только узнали о нашествии на СССР, по собственной инициативе срочно направили на германо-советский фронт: итальянский экспедиционный корпус в составе 3 дивизий (62 тысячи человек), словацкий корпус с 2 дивизиями (28 тысяч человек), хорватский усиленный полк (более 3 тысяч человек). Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских самолетов.

Располагая невиданной в истории войн мощнейшей армией вторжения, немецкое военное руководство не сомневалось в успехе предстоящего похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта фельдмаршал В. Браухич 30 апреля 1941 года заверял

Гитлера, что Красная Армия будет разбита в ходе ожесточенных пограничных сражений в течение первых четырех недель, после чего нужно будет считаться лишь с «незначительным сопротивлением».

Черчилль, приходивший в отчаяние из-за возможности успешного германского похода на Ближний Восток, уже вечером 22 июня 1941 года связал Великобританию обязательствами рабочего сотрудничества с атакованной Россией. Он пытался соединить в одном антигитлеровском альянсе индустриальную мощь Англии и США с неисчерпаемой русской живой силой для тотального разгрома германской военной машины. Ради этого он готов был умерить свои имперские амбиции и на время войны забыть идеологическую несовместимость с долгожданным соратником в борьбе с нацистской Германией.

Вступление США в войну

Реализации Черчиллем этой задачи благоприствала политика по включению своей страны в глобальный конфликт, проводимая американским президентом Ф. Рузвельтом. Все возраставшая мощь Америки просто не могла не вовлечь ее в центр международных событий, ибо национальные интересы страны необходимо было защищать, имея в виду угрозу германской гегемонии в мире, и реализовать, перехватывая наследство клонившихся к закату колониальных империй Франции и Великобритании. Задача же Рузвельта заключалась в том, чтобы на этот раз вовлеченность США в мировую войну стала первым шагом на пути к обретению постоянного статуса мирового экономического и политического лидера.

11 декабря 1941 г. Риббентроп вызвал временного поверенного в делах США в Берлине Лиланда Мориса и от имени фюрера прокричал ему: «Ваш президент хотел войны, он получил ее». Германское руководство вряд ли отдавало себе отчет в том, что оно собственными действиями создавало международную антинацистскую коалицию стран и народов. Эта коалиция объединяла страны с населением 700 млн. человек против 70 млн. в Германии, к тому же экономическое ее превосходство было сокрушительным. Только США за год участия в войне довели количество построенных танков до 24 тысяч, самолетов — до 48 тысяч штук. В самом начале американская экономика увеличила свое военное производство до уровня всех трех стран «Оси», вместе взятых, а к 1944 году удвоила его. «Под ружье» в стране были поставлены более 7 млн. человек (в начале 1930-х годов американская армия насчитывала 132 069 офицеров и солдат, занимая по ее величине 16-е место в мире — после Чехословакии, Польши, Турции и Румынии).

США сделали решительный шаг в направлении участия в разгоравшемся мировом конфликте 2 марта 1941 г., когда конгресс принял закон о ленд-лизе.

Он разрешал президенту «продавать, перебрасывать, разменивать, сдавать в аренду, давать займы или предоставлять другим способом» материальные средства любой стране, оборону которой он считал жизненно важной для безопасности Америки. Теоретически это позволяло Рузвельту осуществлять неограниченные поставки, в частности, в Великобританию, без оплаты. Но в действительности Англия была вынуждена платить за большую часть вооружений. Кроме того, она, в обмен на соглашение о ленд-лизе, передавала США всю свою экспортную торговлю и была обязана после войны отменить имперские преференции, которые связывали ее с колониями. Это для американцев было «более важной целью в международной политике, нежели борьба с тоталитарными странами». Сенатор Артур Ванденберг следующим образом прокомментировал значение закона о ленд-лизе: «Мы кинулись прямо в пучину силовой политики и силовых войн Европы, Азии и Африки, мы сделали первый шаг в направлении, откуда уже не будет пути назад».

В апреле 1941 года Рузвельт сделал еще один решительный шаг в направлении войны, договорившись с датским представителем в Вашингтоне об оккупации американскими вооруженными силами Гренландии. Одновременно с этим американский президент информировал Черчилля о том, что военно-морские силы США будут патрулировать северную часть Атлантического океана к западу от Исландии, прикрывая, таким образом, две трети океанического пространства и «сообщая о местоположении возможного агрессора на море и в воздухе». В августе 1941 г. президент еще формально нейтральных США Рузвельт и британский премьер-министр Черчилль встретились на борту крейсера у побережья Ньюфаундленда, где подписали так называемую Атлантическую хартию — ряд общих принципов, на которых они основывали «свои надежды на лучшее будущее всего мира».

В сентябре 1941 г. США перешли черту, отделявшую их от прямого участия в военных действиях. 11 дня этого месяца Рузвельт распорядился, чтобы флот США топил «по мере появления» германские или итальянские подводные лодки, замеченные в зоне американской обороны, простиравшейся в Северной Атлантике вплоть до Исландии. Одновременно Рузвельт принял вызов Японии, прекратив после оккупации последней Индокитая действия торгового договора и введя эмбарго на многие традиционно поставлявшиеся в эту страну товары и материалы. Перл-Харбор как символ начала японской войны против США стал в этих условиях неотвратимым, что и произошло 7 декаб-

ря 1941 г. Объявление Гитлером через 4 дня войны США разрешило мучившую Рузвельта проблему, как подвигнуть американский народ к вступлению в войну³⁹.

Нападение гитлеровской Германии на СССР и объявление ею войны США превратили во многом «странную войну» в Европе в действительно мировое столкновение двух гигантских сил — Антигитлеровской коалиции и держав «оси Берлин — Рим — Токио». Отмечая в 2009 году 70-летие начала Второй мировой войны и празднуя в 2010 году 65-летие Великой Победы, человечество пытается, усвоив уроки прошлого, не допустить таких же или больших трагедий в будущем. И сегодня размышляющим о соответствии условиям ядерной эры формулы Клаузевица «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» все большему количеству людей становится ясно, что ни ядерные, ни обычные войны не должны быть средством и / или продолжением политики.

Ученые-политологи в то же время убеждены, что войны вне политики всегда были и будут невозможными. Они исходят из того, что качественные изменения в самом феномене политики и в средствах вооруженной борьбы все более усложняют взаимосвязи политики и войны: с одной стороны, повышается роль и ответственность политики, с другой — все более изощренное информационно-психологическое оружие (soft power) оказывает влияние на политику. При этом самым кардинальным образом изменяется характер современных войн и их последствия. В этом смысле искажение и фальсификация истории, в нашем случае истории Второй мировой войны, является важной составной частью разнообразных информационных войн, ведущихся разными странами с различными целями, но всегда связанными с политизацией исторического прошлого.

Информационные воздействия такого плана способны серьезно влиять на главный геополитический потенциал любого государства — национальный менталитет, культуру и моральное состояние его граждан. Вице-президент Коллегии военных экспертов России генерал-майор А. И. Владимиров отмечал в 2002 году: «Сегодня уже существует еще не оцененная нами и ставшая реальностью глобальная угроза формирования не нами нашего образа мышления и даже национальной психологии»⁴⁰. В этом смысле борьба за честную и объективную историю России становится важным компонентом защиты национально-государственных интересов страны и обеспечения ее свободного и перспективного будущего.

¹ Джонсон П. Современность. Т. I. М., 1995. С. 437–438.

² Цит. по: Проектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 303, 304.

³ См. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 191.

⁴ В те дни 85 французским дивизиям, в составе которых насчитывалось 2300 танков, на западном фронте противостоя-

ла 31 немецкая дивизия, из которых только 11 были кадровыми а остальные — слабо обученными и плохо вооруженными формированиями, у которых не было ни одной моторизованной части, ни одного танка. Наступление войск англо-французской коалиции могло бы поставить Германию на край катастрофы (Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2000. С. 72.).

⁵ Торкунов А. В. Предвоенные уроки нашему времени / «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 21.

⁶ См. подр.: Кожин В. В. Война и геополитика // <http://kozhinov.vjskres.ru/hist2/glava1.htm>. С. 6, 7.

⁷ Мировые войны XX века, с. 85.

⁸ Цит. по: Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 231–232.

⁹ По поводу «дюнкерского спасения» англичан в исторической литературе доминируют две точки зрения. Первая состоит в том, что Гитлер и его военачальники допустили грубейшую ошибку, в результате которой Лондон сумел организовать переправу своих войск через Ла-Манш. Вторая же утверждает, что Гитлер неожиданным приказом, переданным по радио в незашифрованном виде, приостановил наступление своих частей в районе Дюнкерка, дав возможность Англии сохранить свою единственную армию, надеясь договориться с Лондоном о выгодных для себя условиях мира. Об истинной сути дюнкерского «чуда» еще в 1956 году французский историк А. Гутар писал следующее: «Гитлер был убежден, что Англия ... будет вынуждена заключить мир. Он имел твердое намерение облегчить англичанам это дело и предложить им чрезвычайно великодушные условия. Было ли удобно при этих условиях начать с того, чтобы захватить у них единственную армию? Лучше позволить их войскам совершить посадку на суда, что не представляло никакой опасности, так как они не могли взять с собой оружие и война уже на исходе». (Цит по: Розанов Г. Л. Сталин. Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М., 1991. С. 204).

¹⁰ Джонсон П. Современность. Т. 1. С. 424–426.

¹¹ Лиддел Гарт. Вторая мировая война. М., 1976. С. 94, 95.

¹² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 303, 299.

¹³ Там же, с. 297–303, 304, 307.

¹⁴ Цит. по: Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии мировой войны. М., 1971. С. 136.

¹⁵ Кожин В. В. Русское воскресение // <http://kozhinov.voskres.ru/hist2/glava1.htm>. С. 18.

¹⁶ Цит. по: Наринский М. М. Как это было // Другая война. М. 2001. С. 44.

¹⁷ Тейлор А. Указ. раб., с. 402. Министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон предложил в 1919 году установить примерно ту восточную границу Польши, которая существует и в настоящее время. Но в ходе войны 1920 года с Советской Россией Польша отодвинула ее далеко на восток, включив в свой состав земли Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Вильнюсский край бывшей царской России.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М., 1991. С. 8.

²⁰ Марков А. Д. Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии // Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 18.

²¹ См. подр.: Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 118–131.

²² Мировые войны XX века, с. 88.

²³ Тейлор А. Указ. раб., с. 497.

²⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 515–516.

²⁵ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы второй мировой войны. М., 1992. С. 54.

²⁶ Риф секретности снят. М., 1993. С. 121, 1223.

²⁷ Лиддел Гарт. Б. Вторая мировая война. М., 1976. С. 56, 57.

²⁸ Кожин В. В. Указ. раб., с. 33, 34.

²⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 191. С. 242–243.

³⁰ Кожин В. В. Указ. раб., с. 32–33.

³¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 106–107.

³² Киссинджер Г. Указ. раб., с. 349–352

³³ Там же. С. 355

³⁴ Там же. С. 363

³⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторический очерк. М., 1998. Кн. 1. С. 80.

³⁶ Там же, с. 113.

³⁷ Там же.

³⁸ Мировые войны XX века, с. 132.

³⁹ Там же. С. 363

⁴⁰ Владимиров А. И. Стратегические этюды. М., 2002. С. 118.